

УДК 94 (517) («1920-1925 гг.»)

К истории борьбы за независимость Монголии (20-е годы XX века)

Жабаева Лариса Будаевна

Доктор исторических наук, профессор,
Зав. кафедрой «История и архивное дело»,
Восточно-Сибирский государственный университет
технологий и управления,
670013, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40в;
e-mail: vsgtuhistory@mail.ru

Чойропов Цырен Цыдыпович

Доктор социологических наук, профессор,
Зав. кафедрой «Социология и политология»,
Восточно-Сибирский государственный университет
технологий и управления,
670013, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40в,
e-mail: ciren@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы становления национальной независимости Монголии после свершения национально-демократической революции 1921 года, роль Соглашения 1921 г. в формировании российско-монгольского политического союза.

Ключевые слова

Российско-монгольское сотрудничество, монгольская революция 1921 г., статус Внешней Монголии.

Введение

После национально-демократической революции 1921 г. статус Внешней Монголии оставался неопределённым. С одной стороны, геополитические и революционные задачи требовали от Советской России закрепления достигнутых итогов монгольской революции 1921 г. путём официального признания новой народной власти. Но с другой – решение этой проблемы было весьма непростым, так как с дипломатических позиций, стоящих перед НКВД в Китае, признание Монголии было крайне невыгодно, поскольку осложняло и без того запутанную проблему установления официальных отношений с Пекином.

Борьба за независимость Монголии

По приглашению Советского правительства 8 октября 1921 г. первая полномочная делегация новой Монголии выехала в Москву. Состав делегации был солидным: руководитель делегации С. Данзан (вице-премьер, председатель ЦК МНП), Д. Сухэ-Батор (военный министр и главнокомандующий), Б. Цэрэндорж (крупный чиновник, дипломат, заме-

ститель министра иностранных дел), князь Ширин-Дамдин (представитель Богдо-гэгэна). Переговоры продолжались с 26 октября по 5 ноября 1921 г. Основным «двигателем» и вдохновителем идеи заключения соглашения был председатель Дальневосточного секретариата Коминтерна Б.З. Шумяцкий, его глубоко волновали монгольские проблемы, он лично сопровождал делегацию из Иркутска до Москвы.

В советском руководстве в тот период не было единого мнения по вопросу о дальнейшей целесообразности поддержки нового революционного Монгольского правительства и заключения с ним соглашения. Как откровенно пишет Б.З. Шумяцкий в письме от 19 ноября 1921 г. к Э.-Д. Ринчино, видному бурятскому общественному деятелю, его доводы о заключении договора с Монголией наталкивались на активное противодействие ответственных работников, особенно противились этому в НКВД, где ему заявили о невозможности «накануне посредничества (между Китаем и Россией. – авт.) высказывать с сепаратным соглашением»¹. Шумяцкий

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГА-СПИ). – Ф. 495. Оп. 152. Д. 9. Л. 72.

отмечает, что ему пришлось провести колоссальную работу, «...всех поставить на ноги, привлечь внимание и конкретно заставить заинтересоваться монгольскими делами. Признаюсь, пришлось много крови испортить, много ругаться, многих буквально «зашиворот» тащить к этой теме. Ведь пришлось и ЦК, и Совнарком, и СТО (совет труда и обороны), и все прочие учреждения, не говоря уже о Наркоминделе, буквально заставить заняться этим вопросом»². Как он подробно пишет в этом письме, в течение первой половины октября 1921 г. состоялось три заседания и две специальные комиссии, на которых активно обсуждалась эта проблема, и «мне пришлось нанести десятка два частных товарищеских визитов, чтобы добиться, наконец, принципиального одобрения идеи заключения формального соглашения»³. Нарком по иностранным делам Г.В. Чичерин, высоко ценивший Б.З. Шумяцкого и доверявший его компетентности в монгольских делах, склонялся к поддержке последнего. Веским аргументом в пользу соглашения было геополитическое значение Монголии для Советской России.

2 Там же. – Л. 71.

3 Там же. – Л. 72.

5 ноября 1921 г. в торжественной обстановке в особняке НКВД было подписано «Соглашение между правительством РСФСР и народным правительством Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией». Обе стороны пошли на компромисс, и по договорённости в итоговый текст соглашения не вошли статьи о международно-правовом статусе Монголии, об её отношениях с Китаем, об Урянхайском крае. Также были подписаны два дополнительных протокола – об отказе правительства РСФСР от концессий и экономических привилегий царского правительства и о сотрудничестве в области судопроизводства. Вопрос о концессиях был внесён в дополнительный протокол, по которому Россия получила право третьей стороны. В этот же день в Кремле состоялась встреча монгольской делегации с В.И. Лениным, на которой присутствовали Г.В. Чичерин и Б.З. Шумяцкий. 24 ноября был подписан третий протокол – о предоставлении правительством РСФСР правительству Монголии ссуды в 1 млн рублей.

Соглашение от 5 ноября 1921 г. между советской Россией и Монголией явилось первым международным актом в формировании советско-

монгольского политического союза, по которому российско-монгольские отношения строились на правовой основе. По Соглашению правительство РСФСР признало единственно законным правительством Монголии Народное правительство, а последнее признало единственно законной властью России правительство РСФСР⁴.

Официальное признание Монголии со стороны Советской России соответствовало её национальным интересам и определяло конкретные политические и военные гарантии сохранения её государственности, а также достижения подлинной независимости от Китая. Для советской же стороны, кроме соображений идеологического характера, заключавшихся в поддержке национально-освободительной борьбы на востоке, это соглашение было выгодно с точки зрения государственных интересов – создания на границе дружественного государства «буфера» в возможных конфликтах с Китаем и Японией.

Хотя с заключением советско-монгольского Соглашения 1921 г. внешнеполитическое положение Монголии значительно упрочилось, но все же оно оставалось весьма сложным и

противоречивым. Монголия вела длительную и упорную борьбу за урегулирование отношений с Китаем, за широкое международное признание. Эта борьба растянулась на два с половиной десятилетия, вплоть до 1945–1946 гг. Особенно напряжённый и драматический характер она носила в первые годы после установления новой власти в Монголии⁵.

Реакция Китая на заключение соглашения была резко отрицательной. Китай был не намерен воспринимать советскую «методику» решения монгольского вопроса. Обвинения против политики советской России по этой важнейшей для Китая проблеме активно выдвигались как в прессе, так и по официальной линии. Китайское правительство категорически высказалось против признания независимости Внешней Монголии. Китайский МИД 1 мая 1922 г., выражая энергичный протест, решительно заявил, что «... все договоры рабоче-крестьянского правительства, заключённые с Монголией, китайское правительство не признает»⁶. Китайское правительство не признавало изменений в Монголии,

5 Там же. – С. 67.

6 См.: Лузянин С. Монголия между Китаем и советской Россией (1920–1924) // Проблем Дальнего Востока. – 1995. – № 2. – С. 79.

4 История Монголии. XX век. – М., 2007. – С. 66.

происшедших в 1921 г., настаивало на сохранении её в составе Китая, на восстановлении китайского суверенитета на монгольской территории и выводе советских войск⁷.

Советское руководство было вынуждено учитывать всю сложность проблемы, и прежде всего неурегулированность советско-китайских отношений. Китайское правительство теперь рассматривало все проблемы советско-китайских отношений, например долги китайского правительства царской России, о КВЖД, только через призму решения монгольского вопроса.

При заключении с Монголией соглашения от 5 ноября 1921 г. Советское правительство рассчитывало определить с Китаем приемлемую форму существования Внешней Монголии, но не учло в полной мере всей серьёзности и глубины создавшегося положения. Советское руководство прорабатывает новые подходы к Китаю, в том числе и по монгольскому вопросу. С этой целью в июле 1922 г. в Китай прибыл новый дипломатический представитель РСФСР А.А. Иоффе⁸. Монголы к этому времени

уже считали себя свободными и независимыми от Китая. Иоффе старается убедить Москву кардинально пересмотреть её позицию по монгольской политике⁹. Советское руководство не

тах в Берлине и Цюрихе. Член РСДРП с 1902 г., меньшевик, член ВКП (б) с 1917 г.; подвергался арестам и ссылке; кандидат в члены ЦК РСДРП (б) (1917-1919 гг.); член Петроградского ВРК (1917г.), участник мирных переговоров в Бресте (1917-1918гг.), полпред РСФСР в Германии (1918г.), нарком госконтроля УССР (1919-1920гг.), член коллегии ЦК РКП РСФСР (1920 г.), председатель Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР и Туркбюро ЦК РКП(б) (1921 г.), полпред РСФСР в Японии (1922 г.) полпред РСФСР в Китае (1922- 1924 гг.) и Австрии (1924-1925 гг.), заместитель председателя Главного концессионного комитета СССР (1925-1927 гг.); покончил жизнь самоубийством (См.: Соломон Г.А. «Присоединившийся», или История одной дружбы // Вопросы истории. – 2009. – № 3. – С. 26, примечания).

- 9 В одном из своих первых политических писем советскому руководству Иоффе пишет: «Монголия, самое уязвимое место нашей китайской политики и единственный козырь в руках империалистов против нас». Он старается убедить Москву отказаться от автономии Внешней Монголии. Этот подход в Политбюро ЦК РКП (б) был воспринят отрицательно. Тогда Иоффе находит новые аргументы: 1) «отказ» от Монголии пойдёт на пользу революционному движению в Китае, а в конечном счёте мировой революции; 2) право монголов на самоопределение и отделение от Китая, по мысли Иоффе, становится «вредным и ненужным» в связи с грандиозными задачами революционного движения.

7 История Монголии. XX век. – М., 2007. – С. 67-68.

8 Иоффе Адольф Абрамович (1883-1927) – уроженец Симферополя, из купеческой семьи, учился в университе-

теряло надежды отстоять автономию Внешней Монголии, используя для этого разные каналы¹⁰. Китай стоял на своём. 5 сентября 1923 г. в Пекин прибыла официальная дипломатическая миссия во главе с Л.М. Караханом¹¹ на смену посланному в Японию А.А. Иоффе. Он официально заявил о том, что «Монголия входит в состав Китая ... и суверенитет Китайской

республики не подвергается сомнению»¹².

Подписанное 31 мая 1924 г. в Пекине соглашение между Советским Союзом и Китаем определяло Внешнюю Монголию как составную часть Китая. Как сообщается в бюллетене Советского полпредства, в Урге началась настоящая паника после того как Монгольское правительство получило из своего представительства в Москве сообщение, сущность которого сводилась к следующему: 1) независимость Монголии отменяется, она получает автономию под суверенитетом Китая; 2) русские войска выводятся из Урги; 3) на предстоящей конференции при обсуждении монгольских дел Россия не будет участвовать, монгольский вопрос будет решаться одними китайцами и монголами; 4) конференция будет в Пекине¹³. Телеграмма с этой новостью вызвала «настоящий переполох среди руководителей народной партии и правительства Монголии».

На экстренно созванном совещании партийных деятелей наметилось два подхода. Позиция председателя Реввоенсовета Э.-Д. Ринчино,

Как видим, по мысли Иоффе, можно легко пожертвовать национальными интересами монголов ради перспектив китайской и мировой революций (См.: Лузянин С. Монголия между Китаем и советской Россией (1920-1924) // Проблем Дальнего Востока. – 1995. – № 2. – С. 79-80).

10 В ходе визита представителя Гоминьдана Чан Кайши в Москву осенью 1923 г. Л.Д. Троцкий и Г.В. Чичерин вновь пытаются поднять вопрос о предоставлении Внешней Монголии в будущем права на самоопределение, что вызвало глубокое недовольство Чан Кайши. После этого идеи А. Иоффе относительно Внешней Монголии стали восприниматься в Москве как суровая необходимость, обусловленная потребностями революционного движения в Китае, и советское руководство принимает решение «отдать» Внешнюю Монголию Китаю.

11 Лев Михайлович Карахан (Караханян) (1899–1937) – с 1918 г. зам. наркома иностранных дел РСФСР, с августа 1923 г. посол СССР в Китае, с апреля 1925 г. старшина дипломатического корпуса в Пекине, в 1927-1934 гг. зам. наркома иностранных дел СССР, с 1934 г. полпред в Турции.

12 Лузянин С. Г. Коминтерн, Монголия и китайская революция 1925-1927 гг. // Восток. – 1996. – № 1. – С. 66.

13 РГАСПИ. – Ф. 495. Оп. 152. Д. 20. Л. 6.

председателя ЦК МНП Япон-Данзана и их единомышленников исходила из признания полной независимости Монголии от Китая. В случае подтверждения этого сообщения о новой линии поведения со стороны России, по их мнению, Монголия должна будет биться до конца за свою свободу, сопротивляться Китаю всеми силами, «не хватит винтовок, возьмёмся за топоры и камни». Вероятность вхождения Монголии в той или иной форме в состав Китая рассматривалась ими как возможный вариант лишь в том случае, когда он сам освободится от империалистов, действительно демократизируется и даст Монголии больше свободы, культуры, перспективы в развитии производительных сил по сравнению с тем, чем она в настоящее время располагает. Другой подход выражали премьер-министр Б. Цэрэндорж, главком С. Данзан, член президиума ЦК МНП Ц. Жамцарано и другие, и он сводился к следующему. Признавая «катастрофичность положения вещей», они полагали, что без России этот вопрос не решится, что вооружённое сопротивление Китаю безнадёжно. И если Россия «поворачивается спиной к Монголии», придётся примириться с автономией. Но вскоре одно за другим приш-

ли сообщения из Москвы с уверениями в дружественных отношениях между Россией и Монголией, что «все остаётся по-старому»¹⁴. Тревоги, волнения, опасения постепенно улеглись.

В мае 1924 г. умер Богдо-гэгэн, «живой бог» и формальный глава Монгольского государства. До созыва монгольского законодательного органа, Великого хурала, полнота власти перешла в руки народного правительства. Со смертью правителя стало ясно, что новые перемены неизбежны, и одним из принципиальных вопросов было «останется ли Монголия монархией, какой фактически стала в 1921 г., или же она будет республикой». В монгольском руководстве первоначально отмечались разногласия по этому важнейшему вопросу. Так, в бюллетене Советского полпредства сообщалось: «Из виднейших руководителей правительства и партии старик Церен-Дорчжи как будто склоняется к установлению в Монголии республики, в частности к лишению будущего гэгэна права на совместительство церковной власти со светской. Более оппортунистической и почти монархической концепции придерживается министр иностранных дел Амар и не-

¹⁴ Там же. – Л. 7.

которые другие министры»¹⁵. Далее шло известие о том, что радикальные элементы в лице Ринчино, Дамбадоржа, вероятно, и Япон-Данзана, решили вопрос о форме государственной власти не будировать, поскольку, считали они, в Монголии неминуемо установится республиканский строй, в будущем они мыслили Монголию как республику без президента: согласно одному из предположительных вариантов, председатель Великого хуралдана будет формально и главой Монгольского государства¹⁶.

Здесь весьма интересно привести соображения, которыми руководствовался в этот период советник Монгольского правительства Э.-Д. Ринчино. Так, в письме к И.В. Сталину и Г.В. Чичерину (январь 1925 г.) он пишет о том огромном влиянии, какое имеет в Монголии буддизм, о повышенной религиозности населения. «При такой обстановке, – пишет он, – есть опасения последствий отделения церкви от государства, ибо имеется вполне реальная опасность образования из церкви государства»¹⁷, поэтому он считает важным «не допустить

появления 9-го Богдо-гэгэна, который несомненно возглавит это новое государство в государстве»¹⁸. Поэтому не случайно в конце лета 1924 г. правительство отклонило ходатайство верующих о призыве 9-го Богдо-гэгэна из Тибета под предлогом, что Далай-лама и Панчен-лама, которые должны определить нового перерожденца, находятся между собой в конфликте.

Разногласия в монгольском руководстве по вопросу о будущей форме правления продолжались недолго. 3 июня 1924 г., состоялось заседание бюро ЦК МНРП в составе семи человек: Цэрэндоржа, главкома Данзана, Дамбадоржа, Япон-Данзана, Джа-Дамбы, Лосола, Ринчино, которое единогласно постановило учредить в Монголии республиканский строй правления¹⁹. 7 июня 1924 г. пленум ЦК МНРП, обсудив это предложение, принял следующую резолюцию: ввести в стране республиканский строй без президента как главы государства, передав всю верховную власть Великому народному хуралу и избираемому последним правительству²⁰. 13

18 Там же. – С. 142.

19 РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 152. – Д. 29. – Л. 202

20 Ширендыб Б. История Монгольской народной революции 1921 года. – М., 1971. – С. 344.

15 Там же. – Д. 29. – Л. 187

16 Там же. – Л. 187.

17 Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. – Улан-Удэ, 1998. – С. 142.

июня на совместном заседании ЦК партии и правительства это решение было одобрено.

Выводы

Таким образом, в истории Монголии 1921-1925 гг. являются наиболее сложным и драматическим периодом, жизненно важной особенностью которого была борьба за суверенитет страны. Главным итогом стало определение в 1924 г. нового республиканского статуса Монголии.

Библиография

1. История Монголии. XX век. – М., 2007. – 448 с.
2. Лузянин С.Г. Коминтерн, Монголия и китайская революция 1925-1927 гг. // Восток. – 1996. – № 1. – С. 66.
3. Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг. – М., 2000. – 268 с.
4. Лузянин С. Монголия между Китаем и советской Россией (1920-1924) // Проблемы Дальнего Востока. – 1995. – № 2. – С. 79-80.
5. РГАСПИ. – Ф. 495. Оп. 152. Д. 20. Л. 6.
6. РГАСПИ. – Ф. 495. Оп. 152. Д. 29. Л. 202.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 495. Оп. 152. Д. 9. Л. 72.
8. Соломон Г.А. «Присоединившийся», или История одной дружбы // Вопросы истории. – 2009. – № 3. – С. 26.
9. Ширендыб Б. История Монгольской народной революции 1921 года. – М., 1971. – 399 с.
10. Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. – Улан-Удэ, 1998. – 160 с.

On the history of struggle for independence of Mongolia (in the 20s of the XX century)

Zhabaeva Larisa Budaevna

Full Doctor of History, professor,
Head of the department "History and archive-keeping",

East Siberia State University of Technology and Management,
P.O. box 670013, 40v Klyuchevskaya st., Ulan-Ude, Russia;
e-mail: vsgtuhistory@mail.ru

Choiropov Tsyren Tsydypovich

Full Doctor of History, professor,
Head of the department "Sociology and political science",
East Siberia State University of Technology and Management,
P.O. box 670013, 40v Klyuchevskaya st., Ulan-Ude, Russia;
e-mail: ciren@mail.ru

Abstract

The article examines the problems of formation of national independence of Mongolia after the national democratic revolution in 1921, the role of 1921 Agreement in formation of Russian-Mongolian political alliance. The materials of the article testify that at that period the Soviet authorities did not reach the agreement of opinion in point of expediency of support of a new Mongolian revolutionary government and execution of an agreement with it. The authors testify an important role played by the chairmen of Comintern Far Eastern secretariat B. Z. Shumyatskii in signing of 1921 Agreement. He was impassioned with Mongolian problems and finally he managed to achieve the approval of the idea. It is demonstrated that the Agreement d/d November 5, 1921 between the Soviet Russia and Mongolia was the first international act in formation of the Soviet-Mongolian political alliance, and in pursuance of it the Russian-Mongolian relations were framed upon a legal basis. The political authorities of the RSFSR acknowledged the Popular government of Mongolia as the only legal authority, and this authority in turn acknowledged the government of the RSFSR as the only constituted authority in Russia. It is noted that the official recognition of Mongolia on the part of the Soviet Russia corresponded with the country's national interests and determined concrete political and military guarantees as for preservation of its national identity and gaining authentic independence from China. The foreign policy status of Mongolia improved considerably. The agreement was of advantage for the Soviet party in terms of interests of the state – creation of a "buffer"

at the boundary of this friendly nation in case of possible conflicts with China and Japan. China's response to the Agreement undertaking is presented in the article as well. The authors show response of Mongolian authorities to the agreement between the Soviet Union and China d/d May 31, 1924 which defined Outer Mongolia as a constituent part of China. The authors also note difference of opinion in Mongolian administration concerning prospective form of government after the death of Bogdo-gegen in May 1924. The main outcome of the discussion is the establishment of the Republic of Mongolia.

Keywords

Russian-Mongolian partnership, Mongolian revolution of 1921, status of Outer Mongolia.

References

1. Bazarov, B. V., Tsybikov, B. D., Ochirov, S. B. (1998), *Elbek-Dorji Rinchino about Mongolia [Elbek-Dorzhi Rinchino o Mongolii]*, Ulan-Ude, 160 p.
2. *History of Mongolia. The 20th century [Istoriya Mongolii. XX vek]*, Moscow, 2007, 448 p.
3. Luzyanin S. G. (1996), "The Comintern, Mongolia and the Chinese Revolution in 1925-1927" ["Komintern, Mongoliya i kitaiskaya revolyutsiya 1925–1927 gg."], *Vostok*, No. 1, p. 66.
4. Luzyanin, S. G. (2000), *Russia – Mongolia – China in the first half of the twentieth century. Political relations in 1911-1946 [Rossiya – Mongoliya – Kitai v pervoi polovine XX v. Politicheskie vzaimootnosheniya v 1911–1946 gg.]*, Moscow, 268 p.
5. Luzyanin, S. G. (1995), "Mongolia between China and Soviet Russia (1920-1924)" ["Mongoliya mezhdru Kitaem i sovetskoi Rossiei (1920-1924)"], *Problemy Dal'nego Vostoka*, No. 2, pp. 79-80.
6. Shirendyb, B. (1971), *The history of the Mongolian People's Revolution in 1921 [Istoriya Mongol'skoi narodnoi revolyutsii 1921 goda]*, Moscow, 399 p.
7. Solomon, G.A. (2009), "Joined" or the Story of friendship ["Prisoedinivshiisya", ili Istoriya odnoi druzhby"], *Voprosy istorii*, No.3, p. 26.

-
8. *The Russian State Archive of Social and Political History*, File No. 495, List No. 152, Rule No. 9, Page No. 72.
 9. *The Russian State Archive of Social and Political History*, File No. 495, List No. 152, Rule No. 20, Page No. 6.
 10. *The Russian State Archive of Social and Political History*, File No. 495, List No. 152, Rule No. 29, Page No. 202.